

Юлия Николаева

К истории слова *абсолютно* в русском языке

1. Предварительные замечания

Качественные прилагательные и наречия стали одним из первых языковых средств, привлечших внимание русских лингвистов при изучении интенсификации (Вольф 1985; Арутюнова 1988). Этому нетрудно найти объяснение, ведь их семантика зачастую связана с оценкой и градуальностью, то есть с онтологически неотделимыми от интенсификации категориями¹. Взаимосвязь данных функционально-семантических категорий и их реализация в лексике довольно подробно освещалась в современной русистике (Маркелова 2013, Колесникова 2012: 157-183, Воротников 1999, Родионова 2005, Кустова 2011 и др.). Большая часть подобных исследований посвящена современному состоянию русского языка. В последнее время, однако, стали появляться работы, в которых с помощью корпусных методов описывается, как "микродиахронические сдвиги", небольшие поступательные изменения в семантике слов на протяжении одного – двух веков, приводят к тому, что существенно меняется значение слова и его оценочный потенциал (Плунгян, Рахилина 2012, Рахилина и др. 2016, Рахилина, Рыжова 2019). Для понимания динамики семантических процессов и для практической лексикографии данные сведения чрезвычайно важны.

Наречия-интенсификаторы лишь недавно были включены в круг подобных исследований. Традиционно языковеды уделяли внимание вопросам морфологических и грамматических признаков при выделении наречия в особую часть речи, а также проблемам этимологии и синтаксических функций. До существования репрезентативных лингвистических корпусов изучению семантики наречий препятствовал низкий индекс их фиксации в лексикографических источниках. Толковые словари часто не выделяют наречия в отдельные статьи, считая их формальной категорией, полностью соотносимой с прилагательными. Когда семантика наречий-интенсификаторов стала предметом углубленного изучения языковедов, были получены нетривиальные выводы о семантических процессах как в сопоставительном аспекте славянских языков (Хмелевский 2003, Хмелевский 2018), так и в об-

¹ Интенсификация определяется как "семантическая категория языка, в основе которой лежит понятие градации количества в широком смысле этого слова. Интенсивность есть количественная мера оценки качества, мера экспликативности, показатель содержания коммуникации" (Туранский 1990: 7).

ласти исторической лексикологии и лексикографии (Пеньковский 2004, Аникина 2013, Шарихин 2019).

В наши дни в петербургском Институте лингвистических исследований Российской академии наук разрабатывается словарь русского языка XIX века, в котором среди лексических новообразований этого периода впервые фиксируются многие наречия и предлагается их лексикографическая трактовка. Стремясь дать исчерпывающую картину изменчивости языка во времени, словарь исходит из дифференциального словника и детально описывает семантику каждого слова, отмечая тончайшие сдвиги денотативного значения, развитие качественных значений у относительных прилагательных и наречий, возникновение новых маркеров интенсивности и т.д. (Калиновская 2010: 116-122). Уже были опубликованы первые пробные статьи этого словаря, благодаря которым можно судить о наиболее оригинальных сторонах этого масштабного лексикографического проекта (Калиновская 2008: 311-364).

В настоящей работе сведения исторической лексикологии дополняются описанием наречия *абсолютно*, ранее не изученного в диахроническом аспекте: описывается, как развивалась семантика этого слова с момента его появления в русском языке и как под влиянием философского дискурса 20–40-ых годов XIX века формировалось его современное значение маркера предельно высокой степени признака. Анализ проводится с помощью национального корпуса русского языка.

2. Наречие абсолютно в XVIII веке

Первая фиксация слова *абсолютно* в русском языке относится к 1722 году. Наречие заимствуется из латыни через польский (*absolutnie*) в значении ‘самодержавно, независимо’ и характеризует форму единоличного правления, не обязательно строго соотносящуюся с абсолютной монархией в современном понимании этого исторического термина. *Словарь русского языка XVIII века* иллюстрирует это значение цитатой “Абсолютно ханствовать”. Через два десятилетия после вхождения в русский язык у заимствования развивается производное метафорическое значение ‘самовластно, повелительно’, выходящее за рамки политическо-юридического и исторического дискурса (Сорокин 1984).

Вместе с изучаемым наречием в русский язык проникает через польский и слово *абсолют* (с предшествующим орфографическим вариантом *обсолют*) в значении ‘абсолютный монарх, самодержец’, от основы которого образуются *абсолютство* (1718 г.) в значении ‘самодержавное правление’, *абсолютность* (1801 г.) ‘абсолютизм’ (Сорокин 1984) и *абсолютный* (впервые у кн. Куракина из польск. *absolutny*) ‘самодержавный’ (Фасмер 1986: 57). Безусловно, наличие словообразовательного гнезда должно было способствовать закреплению заимствования в языке.

Два разных значения наречия *абсолютно* получили неодинаковое развитие в дальнейшей истории русского литературного языка. Первое из них – исходное ‘са-

модержавно' – закрепились в составе сложного слова *абсолютно-монархический* (ср. с коллокацией *абсолютная монархия*) и продолжает бытовать до сих пор. Несмотря на то, что в начале XVIII столетия в русском языке уже существовало слово 'монархия' со многими дериватами, эти новообразования возникли намного позже, в середине XIX столетия. Представляется эмблематичным, что в НКРЯ первое хронологическое вхождение этого неологизма фиксируется в работе известного теоретика анархизма М.А. Бакунина. О востребованности данного значения свидетельствует и то, что в беллетристике той эпохи появляется слово *абсолютно-государственный*, впоследствии, правда, не закрепившееся в языке.

- (1) Насильственное восстановление *абсолютно-монархической* власти и феодально-клерикальных учреждений, лишив этот почтенный класс всех выгод, завоеванных им во время революции, естественным образом должно было обратить его снова в класс более или менее революционный (М.А. Бакунин, *Государственность и анархия*, 1873).
- (2) Этому чувству надобно было на время отнестись совершенно отрицательно к художественной постройке нашего исторического быта Карамзиным по одной, *абсолютно-государственной* идее [...] (А.А. Григорьев, *Мои литературные и нравственные скитальчества*, 1862).

Производное метафорическое значение 'самовластно, властолюбиво, авторитарно' не прижилось. Единичные его проявления встречаются в прозе М.Е. Салтыкова-Щедрина, подчеркивавшего самодурство градоначальников:

- (3) Все они секут обывателей, но первые секут *абсолютно*, вторые объясняют причины своей распорядительности требованиями цивилизации, третьи желают, чтоб обыватели во всем положились на их отвагу (М.Е. Салтыков-Щедрин, *История одного города*, 1869-1870).

В семантике бесчинного, ничем не сдерживаемого произвола потенциально заложены оценочность и интенсификация. Однако в ходе последующей эволюции языка данное качественное значение не было вытеснено оценочным, градуальная сема полноты признака не реализовалась, схожие новообразования с семантикой интенсификации не вошли в устойчивый речевой обиход, и следовательно, данная неосемия не закрепились в лексической системе русского языка.

Краткий экскурс в XVIII век свидетельствует о том, что первичное заимствование из польского не подверглось значительному семантическому сдвигу и на протяжении всей истории своего словоупотребления в русском языке сохранило исходное значение 'неограниченной единоличной государственной власти'. Динамический процесс метафоризации и развития градуально-оценочной семантики, едва наметившийся в диахронии, был почти сразу же прерван и не получил в русском языке дальнейшего развития.

3. Вторичное заимствование в XIX веке

Когда в 20-30-ые годы XIX столетия просвещенное российское общество начинает знакомиться с философией идеализма, с идеями Шеллинга и Гегеля, слова *абсолют*, *абсолютный* входят в русский язык через немецкий как вторичные заимствования². В некоторых этимологических словарях нам встречалось утверждение о том, что вторичное заимствование этих слов происходило через французский язык (Крысин 1998). Вряд ли можно поверить подобной интерпретации. Приводимые ниже языковые данные об истории их проникновения в русский язык, на наш взгляд, неоспоримо свидетельствуют в пользу того, что источником заимствования был именно немецкий.

В 1818-1819 гг. А. И. Галич издает *Историю философских систем*, одно из первых русских научных сочинений, посвященных изложению и критическому разбору преимущественно немецких источников, в том числе Шеллинга. В качестве приложения к этому двухтомнику Галич выпускает *Опыт философского словаря*, где появляется одна из первых русскоязычных трактовок термина *абсолют*, хотя само это слово пока передается на латыни, без перевода: “Absolutum – по производству своему есть понятие отрицательное и значит: а) отрешенное, существующее отдельно, по себе, без связи и сравнения с другими вещами и противопоставляется относительному; б) в положительном и существительном смысле оно = первоначальное бытие, самосущность, противопоставляемая явлениям; с) в виде сказуемого употребляемое выражает отсутствие всяких ограничений, безусловное; d) при словах: возможное, необходимое, значит оно: отнюдь” (Галич 1819: 300). В этом толковании термина отражены почти все семы искомого слова, которые позже будут характеризовать его в русском языке. Помимо сугубо философской интерпретации, Галич подчеркивает содержащуюся в слове семантику оценки и его возможность выступать в качестве маркера высшей степени признака в сочетании с отдельными словами (пункт d).

В 1820-ые годы первые письменные фиксации слова *абсолют* отмечаются в сочинениях московских любомудров, увлекавшихся немецкой идеалистической философией, учениями Шеллинга, Канта и немецких натурфилософов. С точки зрения Б.Ф. Егорова (1996: 178), признанного знатока русской культуры и общественной мысли XIX столетия, обращение любомудров к Шеллингу и новейшей германской философии было осознанным выбором “в противовес материалистической философии Франции и вольтерьянству”. Князь В.Ф. Одоевский³ на страницах альманаха

² Языковеды, изучающие историческую семантику, не раз подчеркивали, что эта область знаний неразрывно связана с историей идей, реалий и понятий. Осознание семантических процессов в диахронии возможно только на фоне взаимодействия языковых механизмов и культурных процессов (Живов 2009: 5-22). Именно поэтому мы сочли необходимым не только зафиксировать этимологический источник вторичного заимствования, но и описать, с какими философскими учениями связано появление слова *абсолютно* в русском языке.

³ В.Ф. Одоевский в молодости был очень увлечен Шеллингом, в своих ранних трудах он охотно популяризовал его философию и в 1823 году перевел на русский начало *Учебника на-*

“Мнемозина” ввел в оборот многие философские термины: *абсолют, проявление, субъективный, объективный, идеальный, синтетический, аналитический* и т.д. Иногда он русифицировал западноевропейские термины, заменяя Абсолют на Безуслов, Генерализацию – на Родование, идеальное – на отвлеченное, а реальное – на вещественное (Одоевский 1824: 79, Виноградов 1982: 365, Егоров 1996: 178). В.Ф. Одоевский одним из первых в России употребляет слово *абсолют*. В *Афоризмах из различных писателей по части современного германского любомудрия*, опубликованных им в альманахе “Мнемозина” за 1824 г., мы встречаем: “Идея сего совершенного единства Отвлеченного с Вещественнымъ – есть Абсолютъ” (Одоевский 1824: 82). Через год Д.В. Веневитинов, комментируя переведенную им статью *О математической философии*, отмечает: “Итак, в некотором смысле математика есть закон мира (организм абсолютный), но одна философия – наука сего абсолюта” (Веневитинов 1980: 237).

В кружке любомудров философская терминология осваивается настолько глубоко, что в своей частной переписке братья Киреевские употребляют прилагательное *абсолютный* не в терминологическом смысле, а в качественно-оценочном значении ‘бесстрастный, невыразительный’. Философская терминосистема в русском языке тогда еще не сложилась, так что было бы преждевременным рассматривать это индивидуальное авторское словоупотребление как начало неосемии в лексической системе русского языка. И все же первый шаг на пути семантической эволюции слова был уже сделан.

- (4) Определить выражение его лица всего труднее: в нем ничего определенного не выражается, и вместе с тем лицо ко всем выражениям способное. Лихонин, говоривший, что выражение лица на портрете Жан Поля слишком индивидуально, назвал бы выражение Шеллингово *абсолютным*. Только в нижней части лица видна какая-то энергия и легкий оттенок задумчивости в глазах, когда он перестает говорить (П.В. Киреевский, *Письма И.В. Киреевскому*, 1829).

Интерес к немецкой философии не утихает в 1830-1850-ые годы, когда в России увлеченно изучают Гегеля. К этому времени в русском языке уже были заложены основы философской терминологии. Расцвет гегельянства в России заметно способствовал широкому распространению философской лексики. Одним из главных ее глашатаев стал русский гегельянец В.Г. Белинский⁴. Современники винили его за то, что “начинившись гегелевской философией и не переварив ее, он всюду с лихорадочным рве-

турфилософии шеллингианца Окена. Во время путешествия по Европе он лично встретился с кумиром своей молодости и, судя по дневниковой записи от 26 июня 1842 года, вел с ним оживленную философскую беседу (Егоров 1996: 178-180).

⁴ В отличие от любомудров В. Ф. Одоевского и А. И. Галича, блестяще владевших несколькими иностранными языками, в том числе немецким, В. Г. Белинский не мог черпать напрямую из первоисточника философскую терминологию Гегеля. По свидетельствам современников, он “был знаком с Гегелем, по незнанию немецкого языка, из вторых рук” (Овчинников 2001: 474). Следовательно, все начатки семантической эволюции многих философских

нием пичкал ее аксиомы, ее известные тезисы и термины” (Виноградов 1982: 366-367). Когда стремительно создавался и совершенствовался новый отвлеченный, ‘метафизический’ язык, ведущим жанром русского литературного процесса была беллетристика. Благодаря ей отвлеченно-философская лексика стала выходить за рамки строго профессионального дискурса и перемещаться в общелитературный язык. По мнению Антуана Мейе, слова меняют значение при пересечении границы, отделяющей социолекты от общего языка (Meillet 1958). Русская философская лексика, перешагнув этот рубеж, была сразу втянута в динамические процессы, в ходе которых у многих терминов развилось общее нетерминологическое значение. Переходя из одного дискурса в другой, слово обычно получает толчок к новому семантическому развитию, меняется его сочетаемость, новые синтагматические соседи начинают оказывать влияние на его семный состав, появляются новые дифференциальные семы и затухают старые, возможны изменения оценочности слова и его стилистической принадлежности. Новый языковой узус вызывает к жизни неосемии, которые при многочисленном повторении имеют шанс закрепиться в языковой системе (Лаптева 2002: 345-353).

Языковые пуристы принимают многие из этих новообразований тех лет в штыки, критикуют их тяжелосвесность и высмеивают в водевилях:

- (5) Говорите, ваше превосходительство, вы увидите, как сильна искра той *абсолютно* конкретной искренности, с которой я в положительном смысле, без всяких завязтых aberrаций готов, в пассивно-социальном отношении, при обширном кругозоре вашего превосходительства... (Ф.А. Кони, *Принц с хохлом, бельмом и горбом*, 1833).

Из приведенного контекста видно, что в вихрь семантических изменений тех лет попадает и описываемое нами наречие *абсолютно*. Это слово начинает активно использоваться в преадективной позиции и выражать семантику интенсификации. Ранее в лингвистических исследованиях отмечалось, что “употребление качественных наречий на *-о (-е)* при именах прилагательных – явление в истории русского языка сравнительно позднее” (Прокопович 1962: 15). Считалось, что в конце XVIII-начале XIX в. подобные сочетания встречаются редко. Анализ корпусных данных позволил уточнить хронологию языковых сдвигов и показал, что наречие *абсолютно* начинает выполнять функции интенсификатора в 1840-ые годы.

История развития этого наречия неотделима от смысловых преобразований однокоренного производящего прилагательного. Данные НКРЯ приводят нас к выводу о том, что в середине XVIII столетия в семантике прилагательного *абсолютный* происходит смысловой сдвиг: на основе терминологического значения из области идеальной немецкой философии появляется общезыковое значение ‘вне связи с чем-либо, безусловный, абстрактный, идеализированный, типичный’ (примеры 6, 7), которое в свою очередь развивает семантику предельной степени признака (примеры 8, 9; в этих слу-

терминов, встречающиеся в его беллетристике, являются переосмыслением уже сложившейся к тому времени русской семантики этой отвлеченной лексики.

чаях возможны синонимы *совершенный, полный*). В начале этого эволюционного процесса количество вхождений исчисляется десятками, постоянно увеличиваясь по мере того, как неосемии закрепляются в языке. Существующая на сегодня семантическая разметка НКРЯ не позволяет нам, к сожалению, дать точную статистику по каждому значению. Ограничимся лишь некоторыми наиболее яркими примерами:

- (6) Они бессознательно это чувствуют и потому изо всей мочи перед всеми подличают и, чтобы только их терпели, как собак и кошек в комнате, всем подслуживаются новостями и сплетнями, составляющими субъективную, объективную и *абсолютную* жизнь уездных городков (В.Г. Белинский, *“Горе от ума”*. Комедия в 4-х действиях, в стихах. Сочинение А. С. Грибоедова, 1839).
- (7) “Иллиада” Гомера имеет достоинство безотносительное, *абсолютное*; она будет оценена во все века и всеми образованными народами; ибо лица, изображенные в ней, запечатлены таким общечеловеческим характером, что они не могут не быть понятны всякому образованному человеку, к какой бы стране или эпохе он ни принадлежал (В.Н. Майков, Статьи из вып. 1 *Карманного словаря иностранных слов*, 1845).
- (8) Один Бакунин, по натуре своей любящий всякое беспокойство, хотя бы самое пустое, находится в постоянном и *абсолютном* наслаждении и выносит неподдельный восторг на лице из всякого собрания, которому удалось оглушить и отуманить его (П.В. Анненков, *Записки о французской революции 1848 года*, 1848).
- (9) Это всё следствия, необходимо вытекающие из самой *абсолютного* повинования (Н.А. Добролюбов, *О значении авторитета в воспитании. Мысли по поводу “Вопросов жизни” г. Пирогова*, 1857).

Новые нетерминологические значения прилагательного *абсолютный* ложатся в основу производного наречия *абсолютно*, семантика которого, с некоторыми оговорками, соотносима с качественным и оценочным значением однокоренного прилагательного. Суть оговорок состоит в следующем: описанный семантический сдвиг неравномерно проявляется в последующем языковом развитии русского языка. Наблюдая с помощью корпуса за этим наречием в текстах XIX века, можно заметить, что некоторые словоупотребления выпадают из современного языкового узуса, кажутся непривычными, порой непонятными, вызывают желание сформулировать их иначе, почти ‘перевести’ на современный язык. Наряду с этими архаичными малопонятными контекстами выделяется огромный пласт совершенно современных словоупотреблений. При более углубленном анализе семантики за этим ‘пестрым’ узусом можно разглядеть, однако, определенную закономерность.

Когда наречие *абсолютно* в значении интенсификатора выражает высокую степень некоторого признака и указывает на то, что признак достиг своего предела, различия между текстами XIX и XX столетия не возникают, ибо данное значение сохранилось до наших дней. В современном языке *абсолютно* стоит в одном синонимическом ряду со словами *совершенно, совсем*. Отличительной чертой этого синонимического ряда является представление о значении признака, которое не может

быть превышено, то есть о пределе (Апресян 2000: 318). Приводимые ниже контексты представляют литературный язык XIX столетия во всем его разнообразии (художественная литература, беллетристика, научная проза, дневники, публичные устные выступления и частная переписка) и звучат *абсолютно* современно:

- (10) Дуалисты девятнадцатого века сочли и эту идею за крайность и принялись соединять все историческое, все прожитое и выжитое – с тем, что считали *абсолютно* разумным! (В.Н. Майков, *Краткое начертание истории русской литературы, составленное В. Аскоченским*, 1846).
- (11) Но порода Кабановых не понимает этого: они не дошли даже до того, чтобы представлять или защищать какой-нибудь принцип вне себя, – они сами принцип, и потому все касающееся их они признают *абсолютно* важным (Н.А. Добролюбов, *Луч света в темном царстве*, 1860).
- (12) Я не полагаю, чтобы она была *абсолютно* убыточным предприятием; все зависит от тех условий, в которые поставлено на ней производство (В.Д. Спасович, *Речь на суде по делу Овсянникова*, 1875).
- (13) Из нескольких сот писем, полученных мною за эти полтора года издания “Дневника”, по крайней мере сотня (но наверно больше) было анонимных, но из этих ста анонимных писем лишь два письма были *абсолютно* враждебные (Ф.М. Достоевский, *Дневник писателя*, 1877, год II-й, 1877).
- (14) Уже этот факт сам по себе делает *абсолютно* невозможным принятие в белковой частице одного атома серы (А.Я. Данилевский, *Биолого-химические сообщения о белковых веществах*, 1888).
- (15) Да и сама г-жа Денишевская тоже *абсолютно* никуда не ходила (Неизвестный, *Нежданье миллионы* (1904.02.02), “Петербургская Газета”, 1904).
- (16) Возврат диссертации *абсолютно* никакого влияния на дальнейшее представление работы не имеет (П.Н. Лебедев, *Письма*, 1905).

В тех же случаях, когда слово *абсолютно* выражает иную семантику оценки, не связанную с высшим пределом признака, мы имеем дело с архаичным, вышедшим из употребления значением. НКРЯ фиксирует разные виды оценок, которые в XIX веке передавались с помощью этого слова, а позже стерлись в его семантике и в современном языке выражаются другими лексическими средствами. В цитируемых ниже контекстах *абсолютно* выражает семантику достоверности, уверенности говорящего в том, что нечто имеет место. В современном русском языке уместно употребить в данном случае один из синонимов, оценивающих ситуацию с эпистемических позиций – *конечно, разумеется, безусловно*⁵:

⁵ Одно слово из этого синонимического ряда невольно вызывает в памяти попытку В. Ф. Одоевского предложить русский коррелят *безуслов* к западноевропейскому *абсолюту*, то есть найти некую семантическую кальку к этимологии латинского слова *absolvère* – распустить, развязать, избавить от уз, условий.

- (17) Поэтому, если подавались фрукты, он *абсолютно* не ел абрикосов; апельсины ел в Петербурге, не ел в провинции, – видите, в Петербурге простой народ ест их, а в провинции не ест (Н.Г. Чернышевский, *Что делать?*, 1863).
- (18) *Абсолютно* он готов пролить последнюю, черт ее поберит, каплю крови за царя, престол и отечество, и он сейчас же вернется на Дальний Восток, как только заживет его раненая нога (А.И. Куприн, *Штабс-капитан Рыбников*, 1905).

Устаревшим и малопонятым для современного носителя русского языка представляется и употребление *абсолютно* в значениях ‘обязательно, непременно’ (пример 19); ‘целиком и полностью’, выражающем не предельность признака, а его полноту (20, 21); в ограничительно-выделительном значении ‘только, исключительно’ (22) и в словосочетании *говоря абсолютно*, характеризующем информацию как нечто неопределенное (в наше время в данном случае сказали бы ‘не вдаваясь в подробности, говоря абстрактно’ (23, 24):

- (19) По самому скромному предположению, въ Россіи должно быть около полсотни тысяч такихъ психически больныхъ, которые *абсолютно* нуждаются въ помѣщеніи въ больницѣ (В.А. Гольцев, *Внутреннее обозрение* [июль], “Русская мысль”, 1881).
- (20) Чтобы предаться откармливанію пеунов *абсолютно*, трансцендентально и бескорыстно, надо, по малой мере, хоть азбуку политической экономии знать; но этого-то знания именно у нас и нет (М.Е. Салтыков-Щедрин, *Благонамеренные речи*, 1872-1876).
- (21) С утра весь город кричал о побоище в Саперном, и напрасно целая свора шпионов и городских стергла целых два дня переулков, хватая каждого, кто казался подозрительным: никто больше не попался. Провал типографии был локализован *абсолютно* (“Листок Народной воли. Социально-революционное обозрение”, 1, 1880).
- (22) Остальное принадлежит *абсолютно* ему: и сюжет, и подробности, и характеры, и даже масса будничных сторон из жизни увриеров (П.Д. Боборыкин, *У романистов. Парижские впечатления*, 1878).
- (23) Говоря *абсолютно* и принимая в соображение бесконечно малые величины, конечно мы найдем, что шар – тот же многоугольник; но попробуйте играть на бильярде многоугольниками, – совсем не то выйдет (Н.А. Добролюбов, *Луч света в темном царстве*, 1860).
- (24) Но, предъявляя такую крайнюю требовательность, мы должны будем отвергнуть всю оперную музыку, а за нею и всю стихотворную поэзию, ибо, говоря *абсолютно*, и она недостаточно реальна, недостаточно естественна (С.А. Баунов, *Александр Даргомыжский. Его жизнь и музыкальная деятельность*, 1894).

Проанализированные корпусные данные убедительно иллюстрируют динамику языковых процессов, в ходе которых наречие-интенсификатор меняет в диахронии семантику своей оценочности. Эти выводы перекликаются с корпусными наблюдениями над малыми диахроническими сдвигами, происходящими в XIX веке в семантике других оценочных слов. Например, оценочный маркер слова *славный* претерпе-

вает заметные изменения: меняет значение ярко положительной оценки на семантику умеренной, 'снисходительной' похвалы и постепенно вытесняется из активного узуса (Рахилина, Рыжова 2019: 241-249). Подвижность семантики интенсификации в диахронии подтверждается и сопоставительными исследованиями в области славянских языков, которые показали, что "экспрессивная окраска и стилистическая маркированность <...> относятся к непостоянным семантическим характеристикам; с ходом развития языка они способны утрачиваться, стираться, затемняться. Данный процесс непрерывен, что и обуславливает непрерывную потребность языка в постоянном пополнении группы наречий-интенсификаторов" (Хмелевский 2003: 8).

4. Заключение

Семантическая эволюция слова *абсолютно* в русском языке происходила в двух направлениях. Первичное заимствование XVIII столетия из польского сохранило свое исходное значение 'самодержавно' на протяжении всего бытования в русском языке и не претерпело существенных трансформаций. Вторичное заимствование, пришедшее из немецкого в 1820-ые годы, отличается изменчивостью и подвижностью семантики в диахронии. Динамические процессы, затронувшие семантику этого слова, протекают с 1840-ых годов до начала XX века и касаются как развития его денотативного значения, так и изменения его оценочности. *Абсолютно* проходит путь от термина немецкой идеалистической философии до слова общелитературного языка со значением 'безусловный, неограниченный, абстрактный'. На основе данного качественного значения развивается маркер интенсификации, который проходит за несколько десятилетий сложный путь специализации значения.

Благодаря НКРЯ нам удалось проследить, как сужается маркер оценочности слова *абсолютно*. Вплоть до начала XX века его семантика была весьма диффузной и выражала множество значений: достоверности, ограничительности, неопределенности, полноты признака и высший предел признака. Все значения кроме последнего со временем устаревают, в современном узусе русский язык для выражения этих смыслов прибегает к другим лексическим средствам, и за словом *абсолютно* закрепляется лишь значение самой высокой предельности признака.

Сокращения

НКРЯ:

Национальный корпус русского языка, <<https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>> (последний доступ: 15.04.2020).

Литература

- Аникина 2013: Р.А. Аникина, *Функционально-грамматические особенности качественных наречий в древнерусском языке: корпусный подход (на материале лаврентьевской, ипатьевской и радзивилловской летописей)*, Диссерт. на соиск. степени канд. филол. наук, Казань 2013.
- Апресян 2000: Ю.Д. Апресян, *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*, II, Москва 2000.
- Арутюнова 1988: Н.Д. Арутюнова, *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт*, Москва 1988.
- Виноградов, Шведова 1964: В.В. Виноградов, Н.Ю. Шведова (ред.), *Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе словосочетаний в русском литературном языке XIX века*, Москва 1964.
- Виноградов 1982: В.В. Виноградов, *Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков*, Москва 1982.
- Вольф 1985: Е.М. Вольф, *Функциональная семантика оценки*, Москва 1985.
- Воротников 1999: Ю.Л. Воротников, *Категория меры признака в смысловом строе русского языка*, Москва 1999.
- Галич 1819: А.И. Галич, *История философских систем*, Санкт-Петербург 1819.
- Веневитинов 1980: Д.В. Веневитинов, *Стихотворения. Проза*, Москва 1980.
- Егоров 1996: Б.Ф. Егоров, *Очерки по истории русской культуры*, в: Б.Ф. Егоров, А.Д. Кошелев (ред.), *Из истории русской культуры (XIX век)*, V, Москва 1996.
- Живов 2009: В.М. Живов, *История понятий, история культуры, история общества*, в: Он же, *Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени*, Москва 2009, с. 5–26.
- Калиновская 2008: В.Н. Калиновская (ред.), *Русский язык XIX века: динамика языковых процессов*, "Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН", IV, 2008, 3, с. 16-24.
- Калиновская 2010: В.Н. Калиновская, *Что может дать дифференциальный исторический словарь? (Из опыта работы над словарем "Словаря русского языка XIX века")*, "Вестник Российского гуманитарного научного фонда", 2010, 1(58), с. 116-123.
- Колесникова 2012: С.М. Колесникова, *Градуальность: системные связи и отношения в русском языке*, Москва 2012.
- Крысин 1998: Л.П. Крысин, *Толковый словарь иностранных слов*, Москва 1998, <https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwwords/> (дата последнего обращения: 05.04.2020).

- Кустова 2011: Г.И. Кустова, *Слова со значением высокой степени: семантические модели и семантические механизмы (Магн'ы-прилагательные)*, в: И.М. Богуславский, Л.А. Иомдин, Л.П. Крысин (ред.), *Слово и язык сборник статей к 80-летию акад. Ю.Д. Апресяна*, Москва 2011, с. 256-268.
- Лаптева 2002: О.А. Лаптева, *Узус как арена языкового изменения*, в: Н.К. Онипенко (ред.), *Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста*, Москва 2002, с. 345-353.
- Маркелова 2013: Т.В. Маркелова, *Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке*, Москва 2013.
- Овчинников 2001: В.В. Овчинников (ред.), *Жизнь замечательных людей (Биографическая библиотека Ф. Павленкова). XVIII-XIX вв., III*, Москва 2001.
- Одоевский 1824: В.Ф. Одоевский, *Афоризмы из различных писателей по части современного германского любомудрия*, "Мнемозина", 1824, 2, с. 73-84.
- Пеньковский 2004: А.Б. Пеньковский, *Очерки по семантике русских наречий: бережно, осторожно и др. (от Пушкина до наших дней)*, в: Он же, *Очерки по русской семантике*, Москва 2004, с. 204-238.
- Плунгян, Рахилина 2012: В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, *Из корпусных наблюдений над лексикой: о семантической эволюции и "лексических маркерах"*, "Revue des études slaves", LXXXIII, 2012, 2-3, с. 499-533.
- Прокопович 1962: Н.Н. Прокопович, *Сочетания наречий с именами прилагательными в современном русском языке*, Москва 1962.
- Рахилина и др. 2016: Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова, М.А. Бородина, *"Тамань сегодня": корпусное исследование русского языка XIX века*, "Труды института русского языка им. В.В.Виноградова", X, 2016, с. 242-255.
- Рахилина, Рыжова 2019: Е.В. Рахилина, Д.А. Рыжова, *Славный корабль – омулевая бочка... К микро-истории семантических переходов*, "Труды института русского языка им. В.В.Виноградова", XX, 2019, с. 241-255.
- Родионова 2005: С.Е. Родионова, *Семантика интензивности и ее выражение в современном русском языке*, в: А.В. Бондарко (ред.), *Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры*, Санкт-Петербург 2005, с. 150-166.
- Сорокин 1984: Ю.С. Сорокин (ред.), *Словарь русского языка XVIII века*, I, Ленинград 1984, <<http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>> (дата последнего обращения: 10.04.2020).
- Туранский 1990: И.И. Туранский, *Семантическая категория интензивности в английском языке*, Москва 1990.

- Фасмер 1986: М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, I, Москва 1986.
- Хмелевский 2003: М.С. Хмелевский, *Формирование разряда наречий-интенсификаторов в славянских языках*, Автореф. диссерт. на соиск. степени канд. филол. наук, Санкт-Петербург 2003.
- Хмелевский 2018: М.С. Хмелевский, *От качества к оценке (модели формирования класса наречий-интенсификаторов в славянских языках)*, "Сибирский филологический журнал", 2018, 1, с. 208-218.
- Шарихин 2019: Е.Ю. Шарихин, *Лексические новообразования в области наречий в русском языке XIX века: словообразование, семантика, функционирование*, Диссерт. на соиск. степени канд. филол. наук, Санкт-Петербург 2019.
- Meillet 1958: A. Meillet, *Comment les mots changent de sens*, в: Он же, *Linguistique historique et linguistique générale*, I, Paris 1958, pp. 230-270.

Abstract

Julija Nikolaeva

*The Semantic Evolution of the Adverb *absolutno* in the Russian Language*

This paper deals with the semantic evolution of the adverb *absolutno* 'absolutely' in the Russian language from the 18th to the 21st century. Coexisting and interchanging meanings of this word are defined using the Russian National Corpus, and the chronology of its various semantic shifts is specified. The author analyzes how, under the influence of the philosophical discourse of the 19th century, the modern meaning of the term *absolutno* has been formed as a marker of the highest degree of attribute.

Keywords

Russian Language; *Absolutno*; Intensification; Historical Lexicology.